

Слеза Яшина

Учитель литературы Олег Степанович Головкин родился в 1937 году в Подосиновце, входившем в то время в состав Никольского уезда. В раннем детстве он был знаком с будущим писателем Владимиром Тендряковым. В настоящее время он работает в одной из средних школ г. Архангельска. Как произошло мое с ним знакомство, об этом сказал Головкин в статье «Слез Яшина».

Думаю, что неравнодушным читателям полезно знать об Александре Яшине все эпизоды из не легкой и драматической судьбы нашего земляка.

А. ПАВЛОВ.

Ох, уж этот Павлов! Намертво взял за жабры. Не зря его Федор Абрамов обзвал «неукротимым максималистом». О чем писать, если я видел и слышал Александра Яшина раз в жизни? Сам пиши.

..Мы стоим у развалин крепости. Небо просветленное, высокое, чистое. Ветерок полощет запахи сена, вереска, земляники. В серебряной подкове Юг-раки легко и всерьез присел Подошиновец на фоне золотисто-бронзовой рощи.

Чудотворная это земля. Здесь жил народ вольный, деловой, неформальный. Сама судьба определила генетический код, в основе которого самобытность, духовная крепость, сдвоенность. С рекой Юг связаны имена на родного богатыря Ивана Лобанова, землепроходца Семена Дежнева, врача-подвижника Н. В. Отрокова, Маршала Конева, писателя Тендрякова, певуны Колотиловой, поэта Александра Яшина.

Учитель труда Анатолий Ушаков рассказывал, как Владимир Тендряков позвал его, тогда мальчика, в пеший поход из Подосиновца до Никольска. Было лето 1953 года. Двадцать дней босиком по родной кормилице-земле, четырехста километрах. Ночевали под открытым небом, укрылись единственным плащом. У Владимира были задания от «Смелых» и «Огонька» написать проблемные очерки. И он в жару ча-

сами беседовал с людьми, просил живал в конторе, разбирая пыльные папки.

Как-то в грозу путники попросились на ночлег. Старик-скряга взял с них пятьдесят рублей да еще посох присвоил. Словом, прижимистым оказался старик. И жену, и дочь, и зятя-домовика крепко держал в руках. Позднее мы встретились с ним в повести «Не ко двору» (кинофильм «Чужая родня»). Из старика автор создал тип стяжателя-скряги.

Это была наша общая гордость: лавиной шли очерки, рассказы и повести Владимира Тендрякова. Острые, смелые, ладные рубленые: «Под лежачим камнем», «Падение Ивана Чупрсава», «Тугой узел», «Рыцарь тютельки в тютельку».

Помню затасканный, в четыре пальца толщиной, альманах «Литературная Москва». Вместе с «Рыцарем» Тендрякова «Рыцарем» Александра Яшина. Сладкий морозец мурашками царапал спину: какая смелость.

С другом-студентом Володей Терентьевым подняли свои до военные драндулеты — повторить путь знаменитого земляка до Никольска. Начались ливни, Северные Увалы покрылись глинистым киселем. Наши «велики» кувыркались, юзом выписывали вологодские кружева... В Большом романове сдались, перегрузились вместе с техникой на высокую гору шифера в попутную автомашину и вернулись восвояси.

Зато Федор Абрамов «пробил ся». Его очерк «Вокруг да около» (январская «Нева» за 1963 год) и «Вологодская свадьба» Яшина («Новый мир» за декабрь 1962 года) вызвали камнепад разгромных статей, лакей-журналисты организовали открытые письма «Свадьба с дегтем» (А. Яшину) и «К чему зовешь нас, земляк?» (Федору Абрамову). Открытые политические доносы объединили «очернителей»: «Нам с Яшиным было нелегко, и вполне понятно, что мы потянулись друг к другу» (Ф. Абрамов, «Семь верст до небес» в книге «О хлебе насущном и хлебе духовном», М.: Мол. гвардия. 1988 стр. 164). Писатели познакомились на Бобришном угоре. И подружились. Вот перечитал эти строчки воспоминаний архангельского мужика Федора Абрамова об Александре Яшине и даже поехился: какие могучие глыбы — оба из колена Авакумова.

А. Яшин святой литературной родины считал Архангельск. Здесь в 1934 году вышла первая книга поэта «Песни Северу». Отсюда его направили на Первый съезд писателей, на литературную учебу. Родной Север для него «край добра и чудес», литературная колыбель, духовная родина.

Наверное, поэтому уставший, замученный и больной Александр Яковлевич в 1965 году снова приехал в Архангельск. Встре-

чу с читателями назначили в концертном зале филармонии — хотелось вместить всех почитателей большого русского поэта.

Пришло человек сорок. Мы сдвинулись на первых рядах. Его мне было трудно сразу принять — ничего от поэта. Бледный, угрюмый, неловкий. И вдруг он виновато улыбнулся, подобрел, глухо нажимая на «о», выронил: «Запасаемся светом. Про Архангельск. Посвящаю Федору Абрамову». Он читал тихо, просто. Какие-то глубинные силы поднимались в моей душе. Потом шли «На Бобришном угоре», «Медведя мы не убили», «В несметном нашем богатстве»...

Мы принимали его всего, мы жалели его и любили. Последним был «Орел». Снова вспомнились оружейные залпы литературных хапуг. «Из-за утеса, как из-за угла, почти в упор ударили в орда...». Яшин читал про себя. Было спокойно и жутко. «Нет, ни дробинки не скользнуло мимо, а сердце и орлиное ранимо...».

Огромная слеза народилась в глубокой глазнице Яшина, медленно покатилась по сухой бледной щеке, запуталась в рыжем усе и вдруг рассыпалась миллиардом сверкающих искр.

У выхода меня нагнал однокурсник Иван Левкин. Мезенский журналист прилетел на встречу с Поэтом. На углу Свободы ветерок противно скрипел огромным плакатом: «Верной дорогой идете, товарищи!». Над городом полоскалась тревожная серая ночь. У памятника Петру узнал Б. С. Пономарева и... Александра Яшина. Друзья вспоминали минувшие дни. В книге «Литературный Архангельск» Борис Семенович об этом пишет: «От нахлынувших воспоминаний Александр Яковлевич заметно растрогался, и, думая о чем-то очень своем личном, сказал, глядя на Дядю: «Наверное, уж больше здесь не бывать». (стр. 82).

Снова прошли мимо два подгулявших друга. Один в форме кавторанга знакомым голосом ворковал: «Между нами...». Я не поверил — это был наш инстинктивный стукач по прозвищу «Между нами». Неужели «пасли» Яшина? Колкая тревога душила и мяла, будто в горле застрял мячик из конской шерсти, которым в детстве играли в лапту.

С вологодским учителем из деревни Калинино нас познакомил Владимир Тендряков, Федор Абрамов и Александр Яшин. Началась переписка, обмен публикациями... И вот этим летом налегке по росе я вышел из Подосиновца (кстати, до Октября мы относились к Никольскому уезду). По нашим временам путь недалекий: автобус до Большероманова, пешком до Шестакова, на попутном «КрАЗе» до Кич-Городка. В кабину могучего самосвала я

лез четвертым. Шофер-детишка всю дорогу читал Рубцова, много спрашивал, говорил легко, сочно. Похоже, тоже пописывает, подумал я. В ответ я прочитал стихотворение Николая Рубцова, посвященное памяти А. Яшина «Последний паром»: «Мы сразу стали тише и взрослей...».

Калинино вначале не показалось. Полчаса бродил по деревне — ни души. Пришлось постучать в окошко, где торчал сплюснутый лепешкой нос. День умирал. На деревню опускался редкий настой из скошенного сена, запаха огурцов и парного молока. Я не ошибся: супруга Алексея Александровича встретила парным молоком. Сам Павлов еще был на дугах.

В комнату влетел стройный, загорелый, быстрый хозяин и крепко стиснул мои нетопище плечи. Мы оба были слегка ошарашены. Загремел за печкой рукомоиник, Павлов выскочил в свежей ковбойке и сразу потащил на чердак, в свое царство божье. Я почувствовал себя второгодником. Картотека учителя поразила. Пунктуальность в переписке не вязалась с вологодским стихийным характером. Вопросы были беспокойные, острые. Я обессилел, Павлов выкинул на стол папку с письмами Федора Абрамова, и Л. В. Крутиковой - Абрамовой и исчез...

Я по примеру Федора Абрамова прихватил бутылочку коньяка, Нина Ивановна сочинила праздничный стол — мы оттаяли. Я очень не хотел «высту-

пать» — Павлов заставил. Конечно, поразил меня кшальбомов с газетно-журнальными вырезками, точным знанием всех прототипов «Вологодской свадьбы», редким знанием всех перипетий в судьбе моего писателя. Особенно учителя Павлова волновала кампания клеветы и травли опального поэта. Он сыпал фамилиями преданных Петерсонов, Бровман Дымшицей...

В Вологде Петерсона пролили, зато в Никольске, на рудине А. Яшина, он успешно «провернул» установку: письма подписали многие земляки поэта. Павлова особенно взволновали подписи знакомых учителей А. М. Гомзикова и А. С. Навлоцкого.

Не принимает и не понимает «неукротимый максималист» Павлов природу предательства, мучается проблемой и все тут. Мне проще: 15 февраля 1988 года я сдал лично в руки секретарю-идеологу А. Ф. Попову партийный билет и заявление о выходе из КПСС. Начались мои «черные камни» и мой крестный путь. Это неизбежно: без духовности всегда агрессивна. Бездарность талантлива предать.

Рано утром я вышел в путь на встречу с любимым поэтом в трагический день кончины — 11 июля. Точь-в-точь: «Вихряется стружка, пахнет ягодным бором. Вырастает в бушка над Бобришным угором...».

...Годы, годы. Душа готовится к Вечности. 17 мая я был в могиле А. С. Пушкина, прошапнул до Михайловского... Какое высокое чудо — никого, ни души! На Бобришном угоре снова все повторилось. Я был один. Я и Вечность. И вспомнил название Абрамова и Яшина — побывать в Пустозерске, на месте костра Авакума Петрова.

Надо сходить,
О. ГОЛОВКОВ,
учитель.

Приглашаем на работу

Никольский районный отдел внутренних дел приглашает на постоянную работу участковым инспектором милиции по обслуживанию деревень Нигино. Марково мужчину до 35 лет, имеющего среднее - специальное или высшее образование с положительной характеристикой, годного по состоянию здоровья к службе в органах внутренних дел. Жилье предоставляется. Зарплата хорошая.

По всем вопросам обращаться по телефону 2-12-58 — начальник РОВД, 2-17-73 — заместитель начальника РОВД, или лично при встрече с соответствующими документами.

Руководство Никольского РОВД.

УЧРЕДИТЕЛИ: Районный Совет народных депутатов и коллектив редакции.

РЕДАКТОР Н. В. ЖДАНОВ.

Газета Никольского района Вологодской области.
НАШ АДРЕС: 161440 г. Никольск, ул. Коммунистическая, дом 4.
Телефон для справок 2-17-81
Индекс издания 51104 Тираж 4414

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции.
Редакция не несет ответственности за содержание объявлений.
За полиграфическое исполнение газеты ответственность несет Никольская типография, телефон 2-14-51